

Маргарита Дюжева

ЖАРКИЙ АВГУСТ

ТОМ 1

RUGRAM

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84.4(2Рос-Рус)
Д95

Дюжева М.

Д95 Жаркий Август. Том 1/ М. Дюжева — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 388 с. — (Жаркий Август).

ISBN 978-5-521-90802-8

Может быть это другая Планета, а может другая Галактика...

Человечество покорило космос, но не смогло полностью искоренить пагубную привычку — рабство. Ви Эйра — красивая маленькая планета с развитым уровнем медицины, но с черной, страшной изнанкой.

Именно там оказалась Василиса. Для кого-то Премудрая, для кого-то Прекрасная. Были у нее друзья, увлечения и любимая работа, благодаря которой и случилась с ней беда. И теперь, она вынуждена собирать себя по кусочкам, по крупичкам, мечтая о возвращении к прежней жизни. Кто же знал, что именно такое печальное стечение обстоятельств приведет её к встрече с ним. Кто он? Очередное испытание на прочность? Или подарок, подкинутый судьбой?

BIC FM
BISAC FIC027030

ISBN 978-5-521-90802-8

© Маргарита Дюжева, текст, 2022
© Анастасия Рябова, обложка, 2022
© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ПРОЛОГ

Бейся сердечко, бейся.

Лежу на кровати вся в холодном поту, по телу пробегают судороги, переходящие в крупную дрожь. Прислушиваюсь к гулко сокращающейся мышце, перекачивающей кровь. Надрывно, неровно, словно из последних сил.

Обычное явление. Моя обычная ночь.

Остается лишь стиснуть зубы и ухватиться за влажную от пота простыню, скомкав ее в скрюченных пальцах.

Под рукой лежит пульт. Если станет совсем лихо, можно нажать на заветную кнопку, активировав робота-медика, стоящего рядом с кроватью, принудив его вколоть обезболивающее. Эта равнодушная жестянка фиксирует все, что происходит со мной, но лишней раз не вводит никаких лекарств. Опасно. Сердце может не выдержать.

Доктор — настоящий, а не это электронное чудо — сказал терпеть. Боль сильна, но не смертельна. А вот если поддаться слабости и подсесть на обезболивающие препараты, то результат, скорее всего, будет плачевным.

Моему организму хватает и тех препаратов, которые вкалывают для восстановления.

Лекарства, они же яды, полученные из желез экзотических животных, завезенных к нам с дальних станций, не дают моей раздробленной спине отторгнуть корсет Августовского — август, как его именуют в простонародье. Страшное приспособление, но это единственный шанс собрать воедино то, что осталось от моего позвоночника.

Ужасный металлический корсет, опоясывающий грудную клетку, словно второй ряд ребер, вживленный в плоть, подключенный к нервным центрам. Ненавижу его, но если бы не он, то лежала бы я сейчас на больничной койке как овощ-переросток и только глазами хлопала невпопад, а так хожу, дела делаю, живу самостоятельно, почти как нормальный человек.

Правда, организм плохо переносит это чудовищное вмешательство, приходится вливать в него такие препараты, что запрещены во всей Галактике, кроме реабилитационного центра Солнце Августа. Что они там побочно со мной вытворяют? Ах, да — разрушают мои почки, печень, истончают сердечную мышцу и зрительный нерв, делают кровь практически прозрачной, уничтожая кровяные тельца.

Красота, ничего не скажешь. Но именно они делают так, что корсет восстанавливает спину. Августовский был гением. Смог изобрести такой механизм, подаривший мне, да и миллионам других людей Галактики, шанс на восстановление. Недаром за свой корсет он получил премию кого-то там и денежное вознаграждение, позволившее купить себе целый замок.

Странно, что в наш век, когда технологии развиты настолько, что медибары могут вылечить рак четвертой стадии за несколько дней, так и не смогли создать программу, способную восстановить поврежденный спинной мозг.

Программы нет. Есть Корсет Августовского, больше похожий на инструмент средневековых пыток, чем на реабилитационное устройство.

Впрочем, чего я ною? Корсет свое дело знает. Что бы ни стало со спиной, в какие бы ошметки она ни превратилась, чудо агрегат при поддержке сильнодействующих средств все приводит в норму за три с половиной месяца. Сто семь дней. Ничтожно малый срок. Ради дальнейшей полноценной жизни можно и потерпеть.

Вот я и терплю. Уже шестьдесят четыре дня. Даже календарик специальный завела с розочками, в котором числа вычеркиваю. Ненавижу розы.

Выдержу, главное зубы не раскрошить в момент очередного приступа, когда накатывает волна агонии и кажется, что нет ни одной клеточки, которая бы не кричала от боли. Осталось всего полтора месяца, и эту металлическую кирасу с меня снимут. А потом в медибар, восстанавливать все остальное, приводить себя в порядок. Да еще интенсивный курс психологической реабилитации.

Только бы сердечко выдержало. Беспокоит оно меня сильно. То зайдется в бешеном ритме, а то удары пропускает. Страшно. Пожалуйста, сорок три дня продержись, потом все наладится. Заживем. В путешествие поедem, может, даже влюбимся в кого-нибудь, заведем ничего не значащий роман, ну или кота на худой конец.

Опускаю тоскливый взгляд на электронные часы, тусклым красным светом моргающие в темноте. Пять утра. Не засну больше. Боль не даст. Надо встать, чем-то занять себя, чтобы отвлечься от жалости к самой себе и мыслей о дозе обезболивающего.

Сегодня какое число? Седьмое мая? Можно зачеркнуть еще один день в заветном календаре? Хотя нет, рано, день еще надо прожить.

Какие у меня планы на сегодня, кроме как бороться за выживание? Пусто?

Размечталась. В обед придут Таська, Вадим, скорее всего, с ними увяжутся Руслан, Сэм и, конечно, Марика. Куда же без Марики? Марика — наше все.

Нажимаю на кнопку на пульте, и кровать медленно трансформируется таким образом, что я принимаю сидячее положение. Вставать мне пока тяжело, приходится помогать себе. Сначала сесть, потом, цепляясь побелевшими от напряжения пальцами в поручень койки, медленно встать на трясущиеся ноги. Надеть ужасные очки, постоять, давая организму прийти в себя, и только тогда делать первые осторожные утренние шаги.

Пятнадцать шажков до душевой. Считаю их каждый день, словно молитву про себя проговариваю. Сначала преодолевала, опираясь на клюшку, а две недели назад начала сама. Медленно, упорно, сжав кулаки. Я сильная, я должна справиться. И я справлюсь.

Вот и душевая. Осторожно снимаю ночной халат и вешаю его на крючок. Корсет так просто не повредить, титановый сплав как-никак, но все равно лишний раз предпочитаю не задевать, иначе пульсирующая боль обеспечена.

С одной стороны расположена душевая кабина с автоматическими тонированными стеклянными стенками, а с другой какой-то шутник повесил огромное, — во всю стену — зеркало. Ненавижу его еще больше, чем розы, но каждый день подхожу к нему и подолгу рассматриваю себя — Васюку. Василису Чуракову. Василису, мать ее за ногу, Прекрасную.

Сегодня, как и вчера, как и много дней до этого нерешительно поднимаю глаза и не могу сдержать стон, вырывающийся из глубины души при созерцании своего распрекрасного лица.

Из зеркала на меня опять смотрит ЭТО.

Бледное, желтоватое существо с огромными темными подглазниками. Если смотреть на себя в очках, то можно увидеть лишь крошечные глазки-бусинки неопределенного цвета. Хотя на самом деле ничего, кроме глаз, на лице уже и не осталось. Дело все в очках. Я настолько плохо стала видеть, что мне в клинике выдали окуляры с толстыми гнутыми линзами, еще больше уродующими мой внешний вид. Кстати, белки глаз тоже имеют желтоватый отлив из-за повреждений печени. Так что можно сказать не белки, а желтки.

Нервно захихикала. Черный юмор — мой конек.

Бледные, обескровленные губы, как у покойника, за которыми прячутся потемневшие зубы. Провела по ним языком, чтобы убедиться, что они еще на месте, по крайней мере, их остатки, а то на прошлой неделе один зуб качался, качался, а потом выпал. Ладно, хоть не спереди. Если не улыбаться широко, то и не заметно. Кстати, два зуба начали покачиваться. Блеск. С такими темпами к концу реабилитации придется переходить на пюреобразную пищу. Некогда густые медовые волосы заметно поредели. Оставшиеся сеченые «кудри» еле доставали до плеч, свисая жалкими уныло-серыми сосульками. Подошла к зеркалу еще ближе, чтобы рассмотреть свою кожу. Сухая, дряблая и местами шелушится, словно старый пергамент.

О-о-ох, кошмар! Где та симпатичная девчонка, которой я была?

Зубы свело от тоски. Знаю, что все можно будет потом исправить, главное, чтобы спина зажила, но в сердце ворохается страшная мысль, наполняющая паникой все мое существо. «А что, если это навсегда?». Как в бреду опускаю взгляд ниже, на отражение своего тела. Боже, дай мне сил это выдержать!

Неестественно ссутуленная, практически анорексичка. Вот кем я стала! Все эти ребра, бедренные косточки, жалкие

острые коленки. А грудь? Где моя грудь полного третьего размера, на которую косились все мужчины? Что это за нелепое недоразумение на ее месте?

Я некрасиво всхлипнула, зажмурился глаза. Нет, реветь не буду. Это минутная слабость и только. Горько усмехнувшись, отвернулась от зеркала и направилась в душ.

Хотя и душем это не назовешь. «Мытье» при помощи воздушных струй — это единственно возможный способ принятия гигиенических процедур для того, кому повезло обзавестись Августом.

Как же я мечтала о ванне, до краев наполненной горячей водой, с клубами шелковистой ароматной пены, и бокале дорогого шампанского, и красивой одежде, и туфлях на высокой шпильке...

Ладно, все пройдет! Все починим и приведем в порядок. Главное — дожить.

Всего сорок три дня.

Держись, Васька, держись!